

Клиффорд Гирц

Постфактум

Две страны,
четыре
десятилетия,
один
антрополог

Клиффорд Гирц

**Постфактум. Две страны, четыре
десятилетия, один антрополог**

«НЛО»

Гирц К.

Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог /
К. Гирц — «НЛО»,

ISBN 978-5-44-481394-2

Интеллектуальная автобиография одного из крупнейших культурных антропологов XX века, основателя так называемой символической, или «интерпретативной», антропологии. В основу книги лег многолетний опыт жизни и работы автора в двух городах — Паре (Индонезия) и Сефру (Марокко). За годы наблюдений изменились и эти страны, и мир в целом, и сам антрополог, и весь международный интеллектуальный контекст. Можно ли в таком случае найти исходную точку наблюдения, откуда видны эти многоуровневые изменения? Таким наблюдательным центром в книге становится фигура исследователя. Применяя к собственной жизни свой знаменитый метод «плотного описания», Гирц показывает, как частные и повседневные практики соотносятся с широким социальным и политическим контекстом, как упорядоченность и логичность событиям придает сам наблюдатель, постфактум выявляя и интерпретируя данные взаимосвязи. В результате книга о личном опыте изучения трансформаций в «развивающихся» странах Азии и Африки становится блестящим экскурсом в теорию и практику культурной антропологии, размышлением о возможностях и предназначении гуманитарных наук.

ISBN 978-5-44-481394-2

© Гирц К.
© НЛО

Содержание

1. Города	6
2. Страны	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Клиффорд Гирц
Постфактум Две страны, четыре
десятилетия, один антрополог

Посвящается Карен

1. Города

Доведись вам на протяжении примерно четырех десятилетий периодически погружаться с головой в жизнь двух провинциальных городов, один из которых представляет собой изгиб дороги в Юго-Восточной Азии, а другой – отдаленное поселение и перевалочный пункт в Северной Африке, полагаю, вам захотелось бы рассказать, что там изменилось за это время. Можно было бы сравнить тогда и сейчас, до и после, описать, какой была жизнь и какой она стала. Можно было бы написать повествование, историю о том, как одно привело к другому, а другое – к третьему: «а затем... а затем...». Можно было бы придумать показатели и описать тенденции: усиление индивидуализма, уменьшение религиозности, повышение уровня жизни, упадок нравственности. Можно было бы сочинить мемуары, взглянув на прошлое с высоты настоящего, чтобы вновь пережить его. Можно было бы выделить стадии – традиционность, модерн, постмодерн; феодализм, колониализм, независимость – и приписать их последовательности какую-то цель: устранившееся государство, железная клетка. Можно было бы описать трансформацию институтов, подвижных структур: семьи, рынка, государственной службы, школы. Можно было бы даже разработать модель, выявить процесс, выдвинуть теорию. Можно было бы начертить графики.

Проблема в том, что перемены более обширны и менее взаимосвязаны, чем кажется на первый взгляд. Конечно, два города изменились, во многих отношениях – поверхностно, в некоторых – кардинально. Но точно так же изменился антрополог. Как и дисциплина, в которой антрополог работает, интеллектуальная обстановка, в которой эта дисциплина существует, и моральные основания, на которых она строится. Изменились также страны, где находятся эти два города, и глобальный мир, частью которого эти страны являются. Изменились, почти у всех, представления о том, что значит жить. Это Гераклит в кубе, и даже хуже. Когда меняется все, от мелкого и конкретного до огромного и абстрактного, – объект исследования и окружающий его мир; исследователь и окружающий его мир; мир, окружающий их обоих, – кажется, что невозможно найти место, откуда видно, что и как изменилось.

Гераклитовский образ на самом деле ошибочен или как минимум обманчив. Время – данная разновидность времени: отчасти личное, отчасти профессиональное, отчасти политическое, отчасти (что бы это ни значило) философское – не течет подобно широкой реке, которая вбирает в себя притоки и направляется к конечному пункту назначения: морю или водопаду. Скорее его можно представить как множество больших и мелких ручьев, которые кружат на месте, петляют, иногда пересекаются, какое-то время текут вместе, вновь разбегаются. В его движении нет коротких и длинных циклов и интервалов, накладывающихся друг на друга и образующих сложную волну, которую способен факторизовать специалист по гармоническому анализу. Исследователь сталкивается не с историей или биографией, а с целым ворохом историй, роем биографий. Во всем этом есть некоторый порядок, но порядок порывистого ветра или уличного рынка – ничего, что можно измерить.

Поэтому следует довольствоваться завихрениями, слияниями и непостоянными связями – сгущающимися и рассеивающимися облаками. Рассказать единую историю или нарисовать обзорную картину невозможно. Но даже если бы они были возможны, никто – уж точно не тот, кто погружен в гущу событий подобно Фабрицио при Ватерлоо¹, – не в силах создать их, ни в то время, ни после. Если мы ведем заметки и остаемся в живых, мы можем предлагать лишь ретроспективные объяснения связей между произошедшими событиями – фигуры, постфактум составленные из фрагментов.

¹ Фабрицио дель Донго – герой романа Стендаля «Пармская обитель», очевидец битвы при Ватерлоо, которая подробно описывается в романе с его точки зрения. – *Прим. перев.*

Это простое наблюдение относительно того, что на самом деле происходит, когда кто-то пытается «придать смысл» знанию, добываемому из разнородных материалов, которые подворачиваются ему, когда он на ощупь пробирается сквозь стихийные драмы повседневного мира, поднимает ряд тревожных вопросов. Что произошло с объективностью? На чем основывается уверенность в правильности нашего понимания? Куда подевалась научность? Впрочем, может статься, что именно таким образом любое понимание (и, если верны дистрибутивные, восходящие модели мозга, сознание как таковое) идет по следу жизни. В основе и знания, и иллюзии лежит сбивчивое продвижение сквозь череду событий и последующее придумывание объяснений того, как они взаимосвязаны. Эти объяснения всегда выводятся из имеющихся представлений, подручного культурного инвентаря, который, как любой инвентарь, служит определенной задаче: стоимость прибавляется, а не извлекается. Если мы хотим прийти к объективности, правильности и научности, то нам не стоит притворяться, будто они не зависят от усилий по их созданию или разрушению.

Итак, для объяснения перемен, произошедших в моих городах, в моей профессии, в моем мире и во мне самом, мне не нужны сюжетное повествование, измерение, воспоминание или структурная прогрессия и определенно не нужны графики – хотя все это можно использовать (наравне с моделями и теориями), чтобы очертить рамки и определить предмет обсуждения. Нужно показать, каким образом конкретные события и уникальные случаи (встреча здесь, обстоятельство там) можно связать со множеством фактов и батареями интерпретаций, чтобы дать почувствовать, как обстоят, обстояли и, вероятно, будут обстоять дела. Кажется, Нортроп Фрай сказал, что миф описывает не то, что случилось, а то, что случается². Такова во многом и наука (по крайней мере социальная наука), разве что ее описания претендуют на более твердые основания и здравые суждения и время от времени – на некоторую беспристрастность.

* * *

Я впервые оказался в Паре³, индонезийском городе в Юго-Восточной Азии, – районном центре, располагающемся в долине крупной реки Брантас на востоке центральной Явы, – в 1952 году. Прошло менее двух лет с того момента, как Королевство Нидерландов предоставило Республике Индонезии независимость после пяти лет периодических разрозненных столкновений. Я был в составе команды аспирантов, присланной из Гарварда, чтобы открыть эту часть отныне бесхозного мира для американской социальной науки. Нас было десятеро, включая мою тогдашнюю жену. Мы прибыли в Джакарту – после трех недель плавания из Роттердама (Гибралтар, Суэц, Коломбо, Сингапур – названия, полные романтики, которую они сейчас в значительной степени утратили) – на следующий день после первой попытки государственного переворота в истории нового государства. На улицах стояли танки, и политические гостиные

² Нортроп Фрай (1912–1991) – канадский литературовед и филолог. В цикле лекций для радио, опубликованных под названием «Просвещенное воображение», Фрай писал: «Дело поэта – рассказывать не то, что случилось, а то, что случается». – Прим. перев.

³ Первое исследование Паре было, как объясняется ниже, коллективным проектом. Основные публикации о городе, появившиеся в результате этого проекта, включают: *Dewey A. G. Peasant Marketing in Java*. New York, 1962; *Fagg R. Authority and Social Structure: A Study in Javanese Bureaucracy* (Ph.D. diss. Harvard University, 1958); *Geertz C. The Religion of Java*. Glencoe, Ill., 1960; *Geertz C. Peddlers and Princes*. Chicago, 1963; *Geertz C. The Social History of an Indonesian Town*. Cambridge, Mass., 1965; *Geertz H. The Javanese Family: A Study of Kinship and Socialization*. New York, 1961; *Jay R. Religion and Politics in Rural Central Java* // *Cultural Report Series*. № 12. New Haven, 1963; *Jay R. Javanese Villagers: Social Relations in Rural Modjokuto*. Cambridge, Mass., 1969; *Ryan E. J. The Value System of a Chinese Community in Java* (Ph.D. diss. Harvard University, 1961). Более позднее, независимо проведенное исследование города: *Wahono R. I. 'Kamar Bola' and 'Waringin': Continuity and Change in a Javanese Town and Its Surroundings*. (Ph.D. diss. Australian National University. Canberra, 1984). Современный обзор положения дел в регионе, куда входит Паре: *Dick H., Fox J. J., Mackie J. (eds.) Balanced Development: East Java and the New Order*. Oxford, 1993.

столицы бурлили слухами, упованиями, разбитыми надеждами и фантазиями о новых заговорах.

Я впервые оказался в Сефру, марокканском городе в Северной Африке, – районном центре у подножия Среднего Атласа в тридцати километрах к югу от Феса, – в 1963 году, приехав с идеей организовать там, если получится, коллективное исследование иного рода. (В то время я был доцентом в Чикагском университете и полагал, что мое положение не сильно отличается от положения аспиранта.) Прошло около шести лет после окончания французского протектората, и Мухаммед V, харизматичный король-герой, вернувшийся из французской ссылки на Мадагаскар, чтобы возглавить общенациональное движение и привести свой народ к независимости, внезапно скончался после мелкой операции на носу. Его сын, тридцатидвухлетний Хасан II, решительный военный с репутацией плебоя и любителя спортивных машин, эдакий марокканский принц Хел⁴, только что взошел на трон. Пока вся страна была погружена в глубокую скорбь, иногда пугавшую своей неистовостью, политические кафе Рабата – где я тогда жил, после того как более или менее импульсивно сбежал с совещания в антропологических верхах в Великобритании, – гудели от слухов насчет смерти старого короля, сомнений в стойкости нового и рассуждений о том, кто первый ее испытает.

Подобное прибытие во время антракта, когда все действительно важные вещи уже произошли вчера или произойдут завтра, вызывает неприятное чувство, что ты опоздал или пришел слишком рано, – чувство, которое с тех пор никогда меня не покидало. В Паре или Сефру в 1952, 1958, 1963, 1964, 1966, 1969, 1971, 1972, 1976 или 1986 году всегда казалось, что это не идеальный момент, а пауза между идеальными моментами, между одной турбулентностью, которая только что закончилась, и другой, которая смутно намечается впереди. Перемены – это не парад, который можно наблюдать, пока он проходит мимо.

В начале пятидесятых Паре был захудалым, жарким и поочередно то пыльным, то грязным городом на перекрестье дорог, в котором жило около двадцати тысяч человек (пара тысяч из них – китайцы), и региональным центром для где-то – в зависимости от того, каким образом и с какой целью вы проводите границы района – от ста тысяч до четверти миллиона деревенских жителей. Через несколько лет после его первого и, как оказалось, последнего опыта действительно открытых парламентских выборов город вместе с окружающей сельской местностью поглотила волна растущего политического ожесточения. В публичной жизни доминировали четыре основные партии, каждая из которых, как казалось, решила захватить абсолютную власть и избавиться – если возможно, законно, если необходимо, физически – от остальных, в результате чего эта публичная жизнь стала, как выяснилось позже, прелюдией к полям смерти⁵. Две партии были религиозными, то есть исламистскими: одна – якобы прогрессивная и реформистская⁶, вторая – якобы традиционалистская и фундаменталистская⁷,

⁴ Принц Хел – имя, под которым выступает молодой Генрих V в драме Шекспира «Генрих IV». В драме принц изображается любителем увеселений и приключений. – *Прим. перев.*

⁵ Поля смерти – места массовых захоронений жертв режима «красных кхмеров» (Коммунистической партии Кампучии) в Камбодже (1975–1979). – *Прим. ред.*

⁶ Партия «Машуми» (Partai Majelis Syuro Muslimin Indonesia – Совет мусульманских организаций Индонезии) создана в 1945 году после объявления независимости. Объединяла множество мусульманских организаций и партий, в том числе ее коллективным членом до 1952 года была консервативная ассоциация богословов «Нахдатул улама». В 1950-е годы партия пользовалась огромной поддержкой населения мусульманских регионов страны. Распущена в 1960 году указом Сукарно, поскольку ряд лидеров партии поддержали мятеж на Суматре 1958 года (об этих событиях Гирц пишет в главе «Гегемонии»). – *Прим. ред.*

⁷ Ассоциация «Нахдатул улама» создана в 1926 году на Яве. Объединила ортодоксальных богословов *улама* и лидеров локального яванского ислама *кьяи* в противовес исламским реформистам. В 1945-м организация вошла в «Машуми» на правах коллективного члена, но отделилась в 1952 году в результате парламентского кризиса. Политической программой «НУ» было создание в Индонезии исламского государства. В 1965-м партия поддержала репрессии против КПИ, в которой видела важного политического конкурента. Организация существует до сих пор, но с 1980-х годов отошла от политики и занимается религиозным образованием. Лидер «НУ» Абдурахман Вахид был президентом Индонезии после падения режима Сухарто в 1999–2001 годах. – *Прим. ред.*

хотя различия между ними были скорее культурными. Две другие были, по крайней мере с виду, светскими, хотя и с обильной примесью местных верований, и глубоко враждебными ко всем формам ригористического ислама: так называемая Националистическая партия⁸, претендующая на верность пламенным, пусть и довольно беспорядочным идеям духа-основателя Индонезии, президента Сукарно, и Коммунистическая партия⁹, на тот момент – крупнейшая за пределами китайско-советского блока.

Выборы состоялись в 1955 году¹⁰, ровно через год после моего отъезда. Когда я вернулся в 1971 году (поработав в промежутке в Марокко и на Бали), поля смерти успели появиться и исчезнуть, государственный строй сменился с гражданского на военный, а в политике начала доминировать полуофициальная «зонтичная» партия¹¹, проповедовавшая полуофициальную гражданскую религию¹². Физически Паре был все еще примерно таким же, как раньше. Поскольку чистый отток населения почти соответствовал естественному приросту, он даже почти не увеличился в размерах. У власти были те же люди, те же группы (хотя коммунистов не было, а сукарноистов стало меньше), те же организации, и большинство из них придерживалось тех же представлений о правильном и подобающем (формальных и связанных со статусом). Повседневная жизнь мало изменилась – за исключением того, что идеологи замолчали или их заставили замолчать, – равно как и экономика: Зеленая революция¹³ только началась. Иным было (ну или мне так казалось) – настроение, юмор, окраска происходящего. Это было подавленное место.

На выборах 1955 года коммунисты получили около трех четвертей голосов жителей города, мусульмане-фундаменталисты – около трех четвертей жителей деревень. Большинство остальных голосов поделили сукарноисты и мусульмане-реформисты, хотя, поскольку они представляли наиболее влиятельные элементы как в городе, так и в сельской местности, с точки зрения распределения власти результат оказался менее однородным, чем говорят голые

⁸ Гирц допускает небольшую неточность, называя Национальную партию Индонезии (НПИ или PNI, Partai Nasional Indonesia) Националистической. Партия основана в Бандунге в 1927 году под председательством молодого инженера Сукарно, будущего президента страны. В основе ее программы – создание единого национального движения для борьбы за независимость Индонезии. В 1931 году после ареста Сукарно и еще трех деятелей партии НПИ объявила о самороспуске и была воссоздана только в 1946 году после декрета 1945 года о введении многопартийной системы в независимой Индонезии. Программа партии предлагала разработанную Сукарно синкретическую модель политического развития, где идеи марксизма смешались с локальными утопическими представлениями: посредством индонезийской «социодемократии» предполагалось создать справедливое общество всеобщего равенства, основанное на всеобщем согласии и взаимопомощи. В начале 1960-х учение Сукарно об «индонезийском социализме» стало государственной идеологией республики Индонезия. – *Прим. ред.*

⁹ Коммунистическая партия Индонезии (PKI, Partai Komunis Indonesia) создана в 1920 году на базе Индийского социал-демократического союза, основанного в 1914 году голландскими социал-демократами в Индонезии. Программа партии была сосредоточена на борьбе местного пролетариата против крупного капитала, отодвигая антиколониальную повестку на второй план. После жесткого подавления восстаний ряда региональных секций КПИ на Яве, Суматре и Калимантане в 1926–1927 годах КПИ надолго потеряла возможность действовать и была легально воссоздана только в 1945 году после объявления независимости и подписания декрета о введении многопартийной системы. В 1960-е годы КПИ была политической опорой Сукарно в конфронтации с Малайзией. В 1965 году после подавления Движения 30 сентября КПИ была запрещена, ее члены либо бежали за границу, либо были арестованы или убиты. – *Прим. ред.*

¹⁰ О выборах как таковых см.: *Feith H. The Indonesian Elections of 1955*. Ithaca, 1957. О конституционном партийном режиме в целом см.: *Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia*. Ithaca, 1962.

¹¹ Речь идет об организации «Секбер голкар» («Объединенный секретариат функциональных групп»), позднее – просто «Голкар» («Функциональные группы»), созданной в 1966 году, чтобы упростить и поставить под контроль многопартийную политическую систему. Сначала туда вошли военные и гражданские чиновники, не состоявшие в каких-либо партиях. Организация получила большинство в парламентских выборах 1971 года и позднее значительно расширила свое влияние. – *Прим. ред.*

¹² Панчасила, «Пять принципов» – государственная идеология Индонезии, которую сформулировал Сукарно на заре независимого государства и активно поддерживало правительство Сухарто: вера в единого бога, гуманизм, основанный на справедливости и цивилизации, единство Индонезии, демократизм дискуссий и выборов, основанный на житейской мудрости и благоразумии, социальная справедливость для всего индонезийского народа. – *Прим. ред.*

¹³ Зеленая революция – политика внедрения более продуктивных сортов растений, удобрений и современных технологий в сельское хозяйство, которая проводилась в развивающихся странах в послевоенное время при поддержке международных организаций. – *Прим. ред.*

цифры. Но он был все же достаточно однородным, и в течение последующих десяти лет его однородность быстро возрастала. Результаты выборов, став неприятным сюрпризом как для победителей, так и для проигравших, которые внезапно осознали, насколько высоки ставки и насколько близка развязка, привели к всплеску представлений о политической борьбе как борьбе не на жизнь, а на смерть. На город и окружающий район нашло умопомрачение «мы или они», которое не развеивалось, пока кровавая баня 1965 года окончательно не определила, кто мы, а кто они.

Все было пропитано этой яростной смесью страха и бравады уже в 1958 году, когда я провёл неделю в Паре, сделав перерыв в своей работе на Бали. (Тогда эта смесь еще не проникла на этот спящий остров, хотя в конечном итоге полностью воцарилась на нем, причем с еще более кровавыми последствиями.) В целом по стране расклад сил между основными партиями после выборов 1955 года оказался достаточно ровным. И сукарноисты, и мусульмане-реформисты получили немногим больше одной пятой голосов, мусульмане-фундаменталисты и коммунисты – чуть меньше. Поэтому наблюдавшиеся в Паре поляризация между народным радикализмом и народным фундаментализмом, правой и левой романтической демократией и накал страстей были нетипичными. Но – урок для энтузиастов статистической «репрезентативности» как единственного основания для обобщений, а также для тех, кто считает, что масштабные выводы могут быть получены только в результате масштабных исследований, – последующее десятилетие показало, что Паре удивительным образом предсказал будущее: он был предвестником общенациональной катастрофы.

После выборов и особенно после 1959 года, когда Сукарно, осаждаемый, как он выразился со свойственной ему экспансивностью, словно Данте в «Божественной комедии»¹⁴, демонами либерализма, индивидуализма, авантюризма, фракционности, мятежа и многопартийной системы, положил конец конституционной демократии, политика террора с невероятной быстротой возобладала в Паре. Скваттеры начали захватывать бывшие голландские плантации, оказывая активное сопротивление попыткам правительства выгнать их. Переворачивались тракторы, свистели серпы, раздавалась беспорядочная стрельба. Мусульманская молодежь организовывала военизированные тренировочные центры, на них стали нападать молодые коммунисты. Крестьяне-издолжники, возмущенные невыполнением законов о земельной реформе, объявили поля, на которых они работали, своей собственностью и поставили их законных владельцев перед необходимостью что-то с этим сделать. Реформистская мусульманская партия была запрещена, что усилило религиозный фундаментализм; Сукарно открестился от националистов, что усилило левые настроения среди секуляристов. Массовые митинги стали повседневным явлением, все более масштабным и агрессивным. Толпы кричащих боевиков начали штурмовать правительственные учреждения. Государственные служащие попрятались в своих домах. Начались нападения на религиозные школы. Офисы распространителей левых газет были разгромлены. Отовсюду стекались «посторонние агитаторы», призывавшие искоренить империалистических дьяволов или бездушных кафиров¹⁵. Начали раздавать оружие, составлять списки, рассылать письма.

Паника и непримиримость росли в тандеме, подпитывая друг друга и усиливая убежденность в том, что проигравшие действительно проиграют, а победители действительно победят. Когда в конце концов начались массовые убийства¹⁶, они казались, как и большинство зна-

¹⁴ Цит. по: Legge T. D. Sukarno: A Political Biography. New York, 1972. P. 4.

¹⁵ Кафир – в исламе приверженец другой веры, «неверный». – Прим. ред.

¹⁶ Лучший общий обзор этих массовых убийств до сих пор, по всей видимости: Hughes J. Indonesian Upheaval. New York, 1967. Конечно, было много споров о причинах и масштабах убийств. Роберт Крибб (Cribb Robert (ed.)). The Indonesian Killings, 1965–66. Clayton, Australia, 1990. P. 12) приводит 39 опубликованных оценок, варьирующихся в диапазоне от 78 000 до двух миллионов убитых. По поводу Восточной Явы, где расположен Паре, см. pp. 63–99, особ. p. 83, и pp. 169–176, особ. p. 173. См. также: Wahono R. I. 'Kamar Bola' and 'Waringin': Continuity and Change..., где приводятся некоторые качественные данные

менитых катаклизмов – захваты Зимних дворцов, штурмы Бастилий, – послесловием к повести, которая писалась уже давно. Если вы, будучи местным лидером Националистической партии, знаете, что левые не только запланировали вас прилюдно казнить, но и собираются затем использовать ваш величественный и просторный дом в качестве своего Кремля, или если вы, как глава коммунистического крестьянского союза, видели нанесенное с помощью трафарета на стены по всему городу изображение, на котором вы с пририсованными рогами и хвостом повешены на полумесяце, тогда реальная вспышка насилия больше похожа на завершение, подведение черты, чем на внезапный переход на новый уровень. Часто отмечавшееся ощущение завершающей фазы у очевидцев этих массовых убийств, смирение и почти ритуальная покорность – одни называли это обреченностью, другие отстраненностью, – с которой жертвы отдавали себя в руки своим преследователям, были обусловлены не столько культурными установками или властью военных (те и другие были скорее проводниками, чем стимулами), сколько тем, что десять лет идеологической поляризации убедили практически всех, что осталось лишь выяснить, в какую сторону фактически склонится баланс.

Он, конечно, склонился вправо. Провал попытки переворота, предпринятой дворцовой охраной в Джакарте в конце сентября 1965 года¹⁷, – запутанного и жестокого события, до сих пор малопонятного, – привел к серии попыток его повторения в более мелком масштабе по мере того, как пример распространялся от одного места к другому по Яве и Бали, с запада на восток. Повсюду сначала (день-два максимум) было неясно, как будут разворачиваться события. Затем все стороны осознали, обычно в течение нескольких часов, что именно – всегда одно и то же – будет происходить. Затем начинались убийства, прекращаемые спустя некоторое время армией. В каждом новом населенном пункте весь приступ занимал не более двух-трех недель (в моей балийской деревне он занял лишь одну ночь, в течение которой тридцать семей были сожжены заживо в своих домах), подавлялся или затихал, а затем повторялся восточнее, так что спустя примерно пять месяцев было убито около четверти миллиона, а может, и все три четверти миллиона.

Волна убийств докатилась до Паре в начале ноября. Они начались, когда сельский религиозный учитель, с отцом которого, лидером реформистов, я работал в 1952 году, отправился в соседнюю деревню, где работал мой коллега Роберт Джей, чтобы проверить слухи о том, что боевики из крестьянского союза готовят нападение, и был зарезан. Следующей ночью его земляки отомстили: подожгли множество домов в деревне, где произошло убийство, после чего по всему району начались нападения правых на левых, инцидент за инцидентом. Вместо того чтобы перечислять эпизоды, повторяя ежедневные газетные или телевизионные сводки о совершенных зверствах, я приведу цитату из рассказа о том, «каково это было», сделанного по моей просьбе одним из лидеров Националистической партии – в 1971 году он уже вышел в отставку, душевно надломленный и по горло (или почти) сытый патрицианскими маневрами, – у которого, как я упоминал выше, собирались отобрать жизнь и дом. (Я опускаю свои стимулирующие вопросы: невыразительные психиатрические «Да?» и «Почему вы так думаете?».)

о Паре. Мою личную реакцию того времени на эти события можно найти в: *Geertz C. Are the Javanese Mad? // Encounter. № 26. 1966. P. 86–88* (это ответ на статью: *Leuthy H. Indonesia Confronted // Encounter. № 25. 1965. P. 80–89; № 26. 1966. P. 75–83*, где утверждается, что яванцы сошли с ума; ответ Лейти мне был опубликован в: *Encounter. № 26. 1966. P. 88–90*).

¹⁷ Так называемое Движение 30 сентября во главе с подполковником Унтунгом, командиром батальона личной охраны президента, и при негласной поддержке КПИ. В ночь на 1 октября 1965 года были убиты шесть высокопоставленных генералов, батальон Унтунга занял президентский дворец, по радио было передано сообщение о предотвращении попытки государственного переворота генералов в сговоре с ЦРУ и создании Революционного совета Индонезии. Притом что Движение 30 сентября выступало в защиту Сукарно и действующего режима, в Революционный совет президент включен не был. Это дало повод правым силам во главе с генерал-майором Сухарто объявить движение антисукарновским, а себя – защитниками режима от коммунистов. Под этим предлогом развернулись антикоммунистические демонстрации, была запрещена КПИ и в конечном счете прокатилась волна массовых убийств, о которой пишет Гирц. Сам Сукарно был вынужден идти на поводу у Сухарто и через некоторое время окончательно утратил власть. Историкам до сих пор точно не известно, что именно произошло в ночь на 1 октября и сколько на самом деле было заговоров. – *Прим. ред.*

В тысяча девятьсот шестьдесят пятом здесь было так же плохо, как и повсюду в стране. Большинство убийств совершали группы мусульманской молодежи. За исключением Плосок-Клатена [отдаленной деревни возле районов, занятых скваттерами], где было короткое сражение между коммунистами и мусульманами, которое мусульмане при поддержке армии быстро выиграли; все коммунисты просто сдавались, открыто признавались в заговоре и принимали смерть, безо всякого сопротивления, возле вырытых могил, приготовленных для них мусульманами. (У коммунистов тоже были готовы могилы для мусульман, на случай, если удача окажется на их стороне.)

Это была странная реакция, даже для меня, яванца, который прожил здесь всю свою жизнь. Видимо, коммунисты рассуждали так: «Если я умру, это конец. Все „улажено“, „завершено“, „расставлено по местам“, „кончено“ [*берес*]. Но если меня арестуют, я буду страдать. Меня будут морить голодом. Я окажусь в тюрьме». Так что они просто приняли «конец» [*пупутан*]¹⁸.

Все здесь были в ужасе. Голову лидера коммунистов повесили в дверях его штаба. Голову другого человека, с засунутой в зубы сигаретой повесили на пешеходном мосту перед его домом. В ирригационных каналах каждое утро находили ноги, руки, торсы. На телефонных столбах висели прибитые пенисы. Большинству убитых перерезали горло, или их закололи бамбуковым копьём.

Армия сгоняла население деревни на площадь перед конторой. Их заставляли указать, кто активист, а кто нет, после чего активистов отдавали обратно людям, чтобы их отвели домой и казнили или, что чаще, передали людям из соседних деревень в обмен на их жертвы. Это облегчало задачу, потому что ты убивал не своего соседа, а соседа другого человека, который убивал твоего.

В какой-то момент прошел слух, что на город собираются напасть левые из Секото [деревни, в которой был убит религиозный учитель]. Из Кеdiri [столица региона] прибыли танки, всю ночь там была слышна стрельба, а утром почти всех жителей Секото собрали вместе. Их спросили, собирались ли они напасть на город и убить местных чиновников. Они ответили «да» и рассказали подробности. Пятерых лидеров военные казнили на деревенской площади, остальных отпустили, чтобы с ними расправились их соседи; те отвели их обратно в деревню и убили.

Все это продолжалось лишь около месяца, но это был кошмарный месяц. На улицах никого не было. Убивали и мужчин, и женщин, но ни одного китайца не тронули, хотя несколько магазинов разграбили. Китайцы были ни при чем: это яванцы выясняли отношения между собой. К тому времени большинство ключевых коммунистических лидеров были не из Паре, потому что партия, словно государственное учреждение, каждые несколько месяцев перетасовывала свои кадры. Один из самых известных местных лидеров – мужчина по имени Гунтур – повесился, но другие сбежали в более крупные города, надеясь, что там они будут менее заметны. Местные врачи

¹⁸ В яванском языке слово *пупутан* означает «конец», «до конца». Но есть и другие, балийские пупутаны, хорошо известные в истории. В языке балийцев – соседей яванцев и во многом наследников яванской индо-буддийской культуры – *пупутан* – это самоубийство, которое совершали воины, чтобы избежать позора поражения. Так, в 1906 и 1908 годах в ходе голландского завоевания балийских царств сотни балийцев, мужчин и женщин, закололи себя крисами, чтобы не сдать врагу. Собеседник Гирца использует обычное яванское слово, но вместе с тем и он, и Гирц, конечно, прекрасно знают о балийских пупутанах. – Прим. ред.

отказывались лечить раненых коммунистов, потому что им угрожали смертью, если они будут это делать. Мой младший брат видел, как возле районного управления казнили трех человек; за казнью наблюдало множество людей. Он не мог спать неделю.

Вначале все могло пойти по-другому. Каждая из сторон пыталась убить другую первой, но увидев, что мусульмане одержали верх, коммунисты просто сдались. Когда начались убийства, левые вообще перестали сопротивляться. Армия, недовольная убийствами генералов в Джакарте во время переворота, просто позволила мусульманской молодежи делать все, что они хотели, по крайней мере какое-то время, после чего начала репрессии, просто арестовывая людей и вывозя их на Буру [остров-тюрьма в восточной Индонезии] или куда-нибудь еще.

Друзья и родственники жертв до сих пор не могут забыть. Но антикоммунизм сейчас настолько силен, что они не смеют ничего говорить; они просто скрывают свои чувства, как настоящие яванцы. Я сам антикоммунист и всегда им был. Но настоящая ненависть и убийства развернулись между боевиками-мусульманами и боевиками-коммунистами. Люди Сукарно, как и я, были в итоге лишь зрителями. Как в конечном счете и сам Сукарно.

Если в 1971 году, через шесть лет после произошедшего, все это было лишь плохими воспоминаниями, то к 1986 году, спустя двадцать один год, это стало уже даже не воспоминаниями, а обломками истории, которые иногда извлекали, чтобы показать, к чему приводит политика. Те, кто получил клеймо коммунистов или их сторонников (двенадцать процентов избирателей, пять процентов в самом городе), не могли голосовать или занимать государственные должности, но в остальном их не трогали. Выцветшие карты с указанием местонахождения домов коммунистов, включая дом, в котором я жил в 1953–1954 годах, все еще висели, словно народные украшения, на стенах деревенских контор. Стареющие мусульманские боевики иногда задумывались – особенно когда спорили с чужаком, который знал их, когда они, как и он, были молоды, – насколько близко они подошли к грязному финалу. Но в целом город был похож на пруд, по которому когда-то давным-давно, в другом климате, прокатился ужасный шторм.

У тех, кто знал это место до шторма, складывалось впечатление, что на смену концентрированной энергии политики пришла рассеянная энергия торговли. Комбинация Зеленой революции, которая стала приносить плоды в этой части Явы только к концу семидесятых, когда наконец удалось решить проблемы, связанные с ее реализацией, и военного режима, который в это же время выработал стиль работы, соответствующий его представлению о себе как двигателе прогресса, привела к коммерциализации городской жизни, как минимум столь же повсеместной и почти столь же навязчивой, какой когда-то была ее политизация. Теперь главным занятием практически всех жителей была не подготовка к Судному дню, а купля и продажа – разнообразная, запутанная, практически непрерывная купля и продажа, охватывающая все уровни и уголки общества, в любом масштабе и любого размаха. Крестьянское сельское хозяйство, втянутое в рынок из-за возросшей потребности в капиталовложениях, официально гомогенизированная политическая жизнь и устойчивое ощущение нестабильности того и другого придали городу тон и облик огромного, шумного, довольно оживленного рынка.

Есть большое искушение принять такое положение вещей за финальную точку, завершение фазы или процесса, достижение, которое теперь остается лишь оберегать и поддерживать, но этому искушению не стоит поддаваться. Когда после сильного потрясения все начинают просто заниматься делами, само по себе возникает ощущение – особенно у такого свидетеля, как я, который видел, что было до и после, но даже и среди тех, кто прошел через все это

и имеет основания представлять произошедшее иначе, – что всё наконец вернулось на круги своя. Естественно, что у рассказываемых историй есть начало, середина и конец, – форма, совпадающая не столько с внутренним направлением событий, сколько с опытом, заключающим их в скобки. Снять эти скобки – значит исказить как то, каким образом ты приобрел то, что считаешь знанием, так и то, почему ты считаешь его таковым.

В начале шестидесятых Сефру, к тому времени существовавший уже около тысячи лет, все еще имел границы, необычайно четкие даже для Марокко, где все словно залито светом рампы. Когда вы приближались к городу со стороны Феса, находившегося тогда в тридцати, а сегодня – всего в двадцати километрах, и поднимались на небольшое возвышение на севере, вам открывался тот же вид, который приводил в изумление всех предыдущих искателей впечатлений – Льва Африканского в шестнадцатом веке, Пера Фуко в девятнадцатом, Эдит Уортон во время Первой мировой войны¹⁹, – наткнувшихся на то, что один из них (Фуко) назвал «l'Oasis enchanteresse»²⁰, а другая (Уортон) – «крепко сбитым маленьким городом-крепостью с угловыми башнями, дерзко высящимися на фоне Атласа». Город, оазис, горы, мелово-белый, оливково-зеленый, каменно-коричневые, одно внутри другого и все разделено отчетливыми линиями, будто проведенными пером, вызвали ощущение целенаправленного плана. Местность и поселение выглядели так, будто были спроектированы.

После того как вы спускались вниз и входили в черту города, это ощущение чистоты, равновесия и композиции рассеивалось – по крайней мере у иностранца – полностью, мгновенно и, как казалось в течение гнетуще долгого времени, навсегда. Ни население, в 1961 году составлявшее от силы двадцать тысяч, ни планировка места не были ни простыми, ни гомогенными. Берберы, арабы, евреи, купцы, знать, представители различных племен, ремесленники и даже до сих пор не уехавшие немногочисленные французские *colons*²¹, учителя и чиновники, ходили по узким переулкам, широким оживленным улицам, просторным базарам. Часть города была лабиринтом, часть – решеткой, часть – клубком извилистых пригородных дорог. Здесь были мечети, парки, стены с зубцами, караван-сарай, мавританские бани, известные печи, водопады, фонтаны с изразцами, зарешеченные окна, теннисные корты, внутренние сады, кинотеатры, дома-замки, школы, загоны для овец, черные палатки и кафе на тротуарах, и повсюду – звуки торопливой речи, в основном мужской. С одного холма на все это взирал построенный французами форт, словно из «Beau Geste»²², с другого – мусульманский мавзолей с белыми куполами, словно из «En tribu»²³. У высоких главных ворот располагались кладбище, бассейн, автобусная станция, маслодавальня, уличный мимбар²⁴, пункт носильщика, опытный

¹⁹ *Africanus Johannes Leo*. Description de l'Afrique: 2 vols. Paris, 1956; *de Foucauld Vicomte*. La reconnaissance au Maroc: 2 vols. Paris, 1888. Vol. 1. P. 37; *Wharton Edith*. In Morocco. New York, 1984. P. 96. Некоторые мои работы и работы моих коллег по Сефру: *Dichter T.* The Problem of How to Act on an Undefined Stage: An Exploration of Culture, Change, and Individual Consciousness in the Moroccan Town of Seffrou, with a Focus on Three Modern Schools (Ph.D. diss. University of Chicago, 1976); *Geertz C., Geertz H., Rosen L.* Meaning and Order in Moroccan Society: Three Essays in Cultural Analysis. Cambridge, 1979; *Rabinow P.* Symbolic Domination: Cultural Form and Historical Change in Morocco. Chicago, 1975; *Rabinow P.* Reflections on Fieldwork. Berkeley, 1977; *Rosen L.* The Structure of Social Groups in a Moroccan City. (Ph.D. diss. University of Chicago, 1968); *Rosen L.* Bargaining for Reality: The Construction of Social Relations in a Muslim Community. Chicago, 1984; *Rosen L.* The Anthropology of Justice. Cambridge, 1989.

²⁰ Зачарованный оазис (франц.). – Прим. перев.

²¹ Поселенцы, колонисты (франц.). – Прим. перев.

²² «Beau Geste» («Красивый жест» или «Красавчик Жест») – роман английского писателя П.К. Рена (опубликован в 1924 году), повествующий о похождениях трех братьев-англичан Жест (главного героя зовут Майкл «Красавчик» Жест) во время службы во Французском иностранном легионе в Алжире перед Первой мировой войной. В 1939 году вышел одноименный фильм по роману. – Прим. перев.

²³ «En tribu» («В племени») – книга французского ориенталиста и исламоведа Эдмона Дутте, опубликованная в 1914 году. В книге, содержащей множество рисунков и фотографий, рассказывается о путешествиях автора по Марокко. – Прим. перев.

²⁴ Мимбар – кафедра или трибуна в соборной мечети, с которой имам читает пятничную проповедь. – Прим. перев.

сад, кегельбан, старая тюрьма и чайная. В полумиле находилась пещера, в которой евреи ставили свечи легендарным раввинам.

Как это часто бывает, первые впечатления – потому что они первые, а также, возможно, потому что это впечатления, а не придуманные теории или установленные факты, – задают рамки восприятия и понимания, создают джеймсовский гул²⁵ шумов и значений, который впоследствии нельзя полностью отбросить, а можно только подвергнуть критике, развить, наполнить, сделать предметом моральной оценки и скорректировать более точными наблюдениями. Двойственный образ – ясность на расстоянии, мешанина вблизи – не только не рассеялся за те примерно двадцать пять лет, что я периодически работал в Сефру и в районе вокруг него (еще семьдесят или восемьдесят тысяч человек, делящихся на десятки «фракций», «племен», «кругов» и «конфедераций»), он стал моей наиболее общей концепцией того, что приводит здесь все в движение: нарастающее напряжение между классической городской формой, которую узнал бы и Ибн Хальдун, и усиливающимся разнообразием городской жизни, спутывающим резные линии старого города. Место, где ничего особо не происходило и которое оставалось аграрным, периферийным и довольно традиционным, постепенно, незаметно и поучительно выходило из-под контроля.

В 1963 году этот процесс уже начался, но был в самом зачатке. Старый город-крепость с охраняющей его *касбой*²⁶, расположенной рядом, и еврейской *меллой*²⁷, огородившейся в его центре, по-прежнему доминировал. Под руководством французов сразу за стенами было построено несколько «кварталов для коренных жителей» с прямыми углами и улицами, во время протектората вырос небольшой район с виллами, тенистыми деревьями и бассейнами, а вдоль шоссе появилось несколько магазинов со стеклянными витринами. Но место все еще оставалось по сути *мединой*²⁸ из учебников: лабиринтом-крепостью, окруженным орошаемыми оливковыми рощами и поделенным между глубоко городскими арабами, давно живущими здесь, и глубоко городскими евреями (которых все еще оставалось около трех тысяч, после пика в пять-шесть тысяч), вполне возможно, живущими здесь еще дольше – некоторые из них утверждали, что со времен Исхода.

К 1986 году старый город затерялся среди новых кварталов, которые грубо и беспорядочно раскинулись повсюду вокруг него. Французы и евреи («наши головы и наши карманы», как их называли арабы лишь с долей иронии) уехали, но в три раза больше людей прибыло, большинство – берберы из сельской местности. Около восьмидесяти процентов взрослого населения проживали там менее двадцати лет, две трети – меньше десяти. Зона расселения увеличилась в четыре раза. Половина оливковых рощ была застроена, и остальным оставалось недолго. Место было не узнать.

На первых этапах нашей (моей и моих коллег) работы казалось, что внутренняя сложность этого места достаточно хорошо укладывается в хотя бы частично упорядоченный набор обычаев, классов и институтов. Население все еще можно было приблизительно поделить на более или менее узнаваемые группы, и жизнь текла если не точно по плану, то хотя бы в ясном направлении. Была прочно укоренившаяся элита, горстка арабских семей из «старого Сефру», которые фактически монополизировали социальную, экономическую и религиозную власть еще задолго до протектората. (Составляя где-то два процента населения, они контролировали около пятидесяти процентов земли в оазисе, а также имели обширные владения в сельской местности.) Было небольшое число королевских чиновников, почти все – присланные

²⁵ Американский психолог Уильям Джеймс (1842–1910), описывая в своей книге «Принципы психологии» детское восприятие мира, писал, что для ребенка все происходящее является «одной огромной пестрой и гудящей неразберихой». – Прим. перев.

²⁶ Касба – крепостное сооружение или цитадель в странах Магриба. – Прим. перев.

²⁷ Мелла – обнесенный стеной еврейский квартал в Марокко. – Прим. перев.

²⁸ Медина – в странах Магриба старая часть города. – Прим. ред.

на ограниченный срок из других мест; они осуществляли повседневные управленческие функции, которые в основном состояли в исполнении постановлений, выдаче разрешений, заверении договоров и аресте людей. Относительно немногочисленные сельские жители, мигрировавшие в город, селились в заброшенном еврейском квартале. (Сами евреи перебрались за стены.) Жилые кварталы были обособленными, лавки – микроскопическими, базары – специализированными. Подавляющее большинство населения, в том числе евреи, было арабоязычным, родилось в городе и тем или иным, обычно сложным образом было связано с рыночной торговлей. Имелось полдюжины мечетей, две-три синагоги, шариатский суд и католическая церковь. При всей сутолоке было ощущение, что место действительно поддается изучению. И некоторое время так и было. Давний альянс небольшой, локально укорененной властной элиты и еще более малочисленной группы каидов, пашей, шейхов и кади²⁹, поддерживаемых солдатами и напрямую зависящих от центральной власти, превратил политику в очень простое занятие, построенное на принципе «кто кому». Сразу после обретения независимости, во время борьбы за которую вокруг Сефру велись некоторые партизанские действия, какое-то время наблюдался всплеск партийной агитации – популистско-мусульманской, с одной стороны, и популистско-марксистской, с другой, – которая создавала определенную угрозу этому альянсу и репрезентируемому им командному стилю государственного управления, но статус-кво был быстро восстановлен (особенно после того, как Хасан II укрепил свое положение). В шестидесятые и в течение большей части семидесятых Сефру не только выглядел как классическая медина в марокканском стиле, зачарованный оазис, бросающий вызов Атласу, «маленький Фес»; в основном он таковым и был.

Для профессионального сознания, помешанного на структурах, город очень легко делился на части и подчасти. Существовала система жилья: дюжина кварталов, каждый со своим названием, главой, воротами, общественной печью, общественным фонтаном, общественной баней и общественной молельней; каждый квартал при этом делился на соседские сообщества, ограниченные переулками, тоже со своими названиями и главами, которые контролировало какое-нибудь из старых семейств. Существовала экономическая система: торгово-ремесленный сектор, который концентрировался вокруг большой мечети в центре старого города, почти скрывая ее от глаз, или распадался на еженедельные фермерские базары за стенами, а также сельскохозяйственный сектор: мелкие торговцы оливками и производители пшеницы (в основном – издольщики) в оазисе. Представители ведущих ремесел, в том числе сельского хозяйства, группировались в «гильдии», «гильдии» возглавляли «главы гильдий», а над «главами гильдий» стояли своеобразные судьи по торговым делам. Существовала религиозная система: мечети, школы изучения Корана, суфийские братства, духовный класс чиновников и ученых-юристов, шариатский суд, неотчуждаемый фонд религиозного имущества, куда входили большая часть коммерческой собственности и значительная часть сельскохозяйственной собственности, и еврейские аналоги каждого из этих элементов. Существовала система родства: обычные патрилинейные, патрилокальные, патриархальные отношения – ярко выраженная половая дифференциация, браки по договоренности, покупка невест, делимое наследство, быстрый развод. Существовала политическая система: правительственные учреждения, муниципальный совет, различные трибуналы, различные ассоциации, различные виды полиции. Это место не просто подходило для монографии, оно само собой делилось на главы.

К 1986 году, с ускорением изменений, все стало по-другому. Конечно, даже первоначальный образ четкого плана был школярским, и на первых этапах своей работы мы в основ-

²⁹ Каид – традиционно, племенной вождь, который позже стал выполнять функцию представителя центральной власти, управляющего городом, племенем или группой племен. Паша – высокопоставленный чиновник или руководитель, в Марокко – наместник султана в городе или провинции. Шейх – князь, правитель племени. Кади – мусульманский судья, следящий за соблюдением законов шариата в определенном городе или регионе, а также исполняющий некоторые неюридические функции. – *Прим. перев.*

ном вполне целенаправленно именно это и пытались доказать: что кварталы имеют разные формы, что «гильдии» на самом деле не гильдии, что «главы гильдий» на самом деле не главы, а «рыночный судья» – должность без профессии, что родство на практике работает совсем не так, как в теории, что у женщин есть способы преодоления барьеров и ускользания из-под власти мужчин, что власть отправляется не по накатанным рельсам и что не все братства таковы, какими кажутся. Но сегодня такую историю не может рассказать даже самый методичный антрополог, внимательный к формам и связям. Части – фрагменты, целое – сборка, а большие категории сравнительной этнографии выглядят грубо сработанными.

Пытаясь понять, как так вышло, инстинктивно обращаешься не к критическому событию – судьбоносный инцидент трудно выделить, – а к красноречивой статистике³⁰. Кандидатур много: рост населения (двести процентов за двадцать пять лет), усиление «исламскости» (в 1960 году – восемьдесят процентов мусульман, в 1986 – сто), падение грамотности (в 1960 году грамотна четверть взрослого населения, в 1986 – десятая часть), «прорыв стен» (девятьюстами процентами иммиграции, начиная с 1912 года приходятся на последние два десятилетия), скачок цен на землю под жилую застройку (тысяча процентов между 1960-м и 1970-м). Но, пожалуй, наиболее показательна статистика изменения пропорции городского и сельского населения в округе Сефру (две тысячи квадратных километров, где Сефру, площадью десять квадратных километров – единственный город значительных размеров): один к четырем в 1960 году, один к одному в 1986 году. Опустение деревни, свехурбанизация, бегство с земли, агрокапитализм, тяга к ярким огням – как это ни называй и чем это ни объясняй, приток толп в Сефру был массовым, беспощадным, быстрым и, если не произойдет чего-то очень необычного, необратимым.

Это также привело – и не только для тех, кто столкнулся с толпами, – к дезорганизации. Город зримо разделился на старых жителей, «настоящих сефрийцев», как они себя называют, недовольных настоящим, потому что оно не прошлое, и недавних иммигрантов, «посторонних», как называют их все, в том числе они сами, недовольных настоящим, потому что оно не будущее. Старые жители считают, что город становится огромной уродливой деревней, а их мир находится под угрозой. Иммигранты воспринимают город как устоявшуюся, непроницаемую сеть административных привилегий, равнодушную к их интересам и враждебную к самому их присутствию. Борьба за власть, классовая война и – вероятно, самое тяжелое – столкновение культур: городское сообщество пытается удержаться, сельская масса пытается прорваться.

Для наблюдателя (хотя не только и даже не столько для наблюдателя) это оборачивается тем, что внезапно наступивший хаос затрудняет понимание замысла и лишает ясности. Старый город, ветхий и дремлющий, тонет в беспорядочной городской застройке, базары расползлись и лишились центра, политическая жизнь уже не так компактна и однонаправленна, религия утратила четкость и накопленную энергию, женщины ходят на работу. Ощущение, будто постоянно раскладываешь пронумерованные карточки и только приходишь к какому-то порядку, как они снова перемешиваются; что противоречия между городской традицией, еще далеко не мертвой (и даже в некотором роде возрождающейся, по мере того как ее наследники перегруппировываются для ее защиты), и городской жизнью, опережающей категории этой традиции, повсеместны, постоянны и не имеют явного решения; и что как бы то ни было, ты больше не увидишь ни этот чеканный вид, открывающийся с подъема дороги на Фес, ни даже названий глав книги из 1960-х, – это ощущение делает тебя не только исследователем, аналитиком, судьей или летописцем изменений, но и их объектом. Невозможно избежать ни ситуа-

³⁰ Большинство этих цифр взяты из: *Benhalima H. Sefrou: De la tradition des Dir à l'intégration économique moderne: Étude de géographie urbaine* (thesis). Montpellier, 1977. Я обязан Мухаммеду Бениаклефу за цифры переписи 1970 года. Сегодня население города приближается к 70 000 и его сделали столицей провинции (Л. Розен, личная беседа).

тивной непосредственности этнографического познания, мыслей и событий, в которые пытаешься проникнуть, ни его временной ограниченности, и нет ничего хуже, чем притворяться, будто тебе это удалось.

* * *

Таковы факты. Или, во всяком случае, таковы они с моих слов. Сомнения, возникающие у меня или у моей аудитории, лишь очень отдаленно связаны с вопросом об эмпирических основаниях этого или подобных ему описаний. Каноны антропологического «доказательства» указывают (в подражание более строгим дисциплинам вроде механики или физиологии), каким образом эти сомнения чаще всего выражаются, и если они выражаются, каким образом они чаще всего снимаются. Сноски помогают, дословные цитаты помогают еще больше, детали впечатляют, цифры обычно перевешивают всё. Но в любом случае в антропологии они играют вспомогательную роль: конечно, они необходимы, но недостаточны, суть не в них. Проблема – правильность, обоснованность, объективность, истинность – кроется в другом и гораздо меньше связана с умелым применением метода.

Отчасти она кроется в том, как понимаются эти великие идеальности. (Что должна предотвращать «объективность»: увлеченность, относительность, интуиции, предубеждения? Что рекомендует «правильность»: точность, верность, убедительность, подлинность?) Но, что более важно, она кроется в работе дискурса, который они призваны улучшить. Каким образом в конце концов, поверхностные впечатления и увиденные мельком события подчас превращаются в оформленный, записанный, рассказанный факт? Кажется, это достигается прежде всего с помощью обобщающих фигур, тем или иным образом составляемых по пути: сконструированных образов того, как все связано. Решение – а это решение – представить Паре в виде политического агона и изобразить Сефру в виде морального ландшафта создает мир, описываемый моим описанием. Какова бы ни была реальность (помимо того, что она реальна), наше впечатление о ней – поляризованные различия, срежиссированная жестокость, одержимая деловитость, образцовая форма, рой мигрантов, социальное размывание – неизбежно вытекает из того, как мы о ней говорим.

Вопрос в том, почему мы говорим о ней именно так. Опять же, предпочитаемый ответ состоит в том, что это определяется тем, что мы обнаруживаем перед собой – широко открыв глаза, беспристрастно, пользуясь своими методами. Все есть то, что есть, и ни что другое; агоны – это агоны, ландшафты – это ландшафты. Представления – убеждения, взгляды, версии, суждения – можно изобрести, позаимствовать у других, вывести из теорий; на них можно даже натолкнуться в снах или в стихах. Но их использование санкционируется положением дел. Главная задача – рассказать все как есть.

Что ж, возможно; я определенно не хотел бы защищать обратное. Однако такой взгляд на вещи (идеи накапливаются в голове, вещи существуют в мире, и последние кроют первые по своей форме) не очень помогает в понимании того, как добывается знание в ходе антропологической работы. Спрашивать, действительно ли Паре – череда конфликтов, а Сефру – распадающаяся форма, все равно что спрашивать, действительно ли солнце – это взрыв, а мозг – это компьютер. Вопрос в том, что вы говорите, говоря это. Куда это вас приводит? Есть и другие образы: солнце – это печь, Сефру – это базар; Паре – это танец, мозг – это мышца. Чем вызваны мои образы?

Их вызывают (или вытесняют, если они плохо сконструированы) другие образы, вытекающие из них, – их способность вести к дальнейшим описаниям, которые, пересекаясь с другими описаниями других вещей, расширяют их применимость и повышают их устойчивость. Мы всегда можем рассчитывать на то, что случится что-то еще – еще одно беглое впечатление, еще одно краем глаза увиденное событие. На что мы не можем рассчитывать, так это на то,

что мы сумеем сказать что-нибудь стоящее, когда это произойдет. Мы не рискуем исчерпать реальность; мы постоянно рискуем исчерпать знаки или по крайней мере сделать так, что старые знаки внезапно умрут у нас на руках. Сущность сознания – то, что оно действует постфактум, *ex post*, идет по следу жизни: сначала событие, потом формулировка, – проявляется в антропологии в виде постоянного стремления к изобретению систем дискурса, которые способны более или менее идти в ногу с тем, что, как кажется, происходит.

Построение систем дискурса, структур репрезентации, внутри которых происходящее можно изложить в форме утверждений и аргументов, подкрепленных эмпирическим материалом, – именно этим занимаются антропологи, претендующие, как и большинство из нас, на то, что они описывают вещи, которые действительно имели место. И против этого же они возражают. Именно таким системам, структурам, конфигурациям знаков, способам говорения, а не проявлениям реальности, к которым имеют доступ только ясновидцы, следует адресовать сомнения и возражения. Моя повесть о двух городах призвана не просто выявить различия; она использует их для интерпретации. Начав отсюда, откуда мне пришлось начать, с локальных событий, я хочу теперь, когда на меня не давит груз их непосредственности, придумать способ говорить о вещах, которые выходят за пределы этих событий, объемлют их, и, в свою очередь, обратно превращаются в них, – создать язык значимого контраста, который сможет, как я сказал раньше, придать смысл водоворотам и сливающимся потокам, в пучине которых я столько лет неловко барахтался.

Для этнографа все определяется тем, что одно ведет к другому, другое – к третьему, а третье – неизвестно к чему. За пределами Паре и Сефру, вокруг них, позади них, перед ними, над ними находится огромная масса... как мне назвать их? практик? эпистем? общественных формаций? реальностей? – которые связаны с этими местами и которым должно быть отведено место в любом проекте, призванном получить от пребывания в них что-то кроме диковинных сведений. Как бы сложно ни было начать такой рассказ, еще сложнее – остановить его.

Приходится работать *ad hoc*³¹ и *ad interim*³², соединяя тысячелетние истории с трехнедельными бойнями, международные конфликты с муниципальными экологиями. В финальную конструкцию должны быть так или иначе вставлены экономика риса или оливок, этническая или религиозная политика, механизмы языка или войны. А также география, торговля, искусство и технологии. Результат неизбежно будет неудовлетворительным, неуклюжим, шатким и бесформенным – грандиозным сооружением непонятного назначения. Антрополог, или по крайней мере тот, кто хочет делать свои сооружения более сложными, а не замкнутыми на себя, – это маниакальный кустарь, доверившийся своей смекалке: Том Свифт Ричарда Уилбера, в тихую погоду собирающий дирижабли на заднем дворе³³.

³¹ Специально для данного случая (*лат.*). – Прим. перев.

³² Временно (*лат.*). – Прим. перев.

³³ Wilbur R. Folk Tune // The Beautiful Changes and Other Poems. New York, 1947. P. 27.

2. Страны

Мир делится на страны. За исключением полюсов и океанов, нескольких островов в Тихом океане, Карибском бассейне и Южной Атлантике, Ватикана, зоны Панамского канала, Гибралтара, Западного берега (на данный момент), Гонконга (до 1997 года), Макао (до 1999 года), нет практически ни одного клочка земли на земном шаре, который бы не относился к ограниченному и неразрывному участку пространства, называемому Республикой того, Народной Республикой сего, Союзом, Королевством, Эмиратом, Конфедерацией, Государством или Княжеством того или этого. Эти участки отделены друг от друга (ни один клочок земли не может принадлежать двум из них), однозначны (клочок земли либо принадлежит чему-либо, либо нет), исчерпывающи (ни один клочок земли не может ни к чему принадлежать) и теперь, когда Пакистан и Бангладеш разделились, непрерывны. Какие бы споры ни велись о точных границах этих участков – Северная Ирландия и Западная Сахара, Южный Судан и Восточный Тимор, судорожные метания переделенных земель, составлявших некогда Советский Союз, – у нас теперь есть абсолютная карта. Абсолютная не в том смысле, что она никогда не меняется; сегодня «Рэнд Макнелли»³⁴ нужно выпускать новое издание практически каждый день. Она абсолютная в том смысле, что, как бы она ни менялась, она состоит из «стран», населенных «народами» и идентифицируемых как «государства», то есть как «национальные государства».

³⁴ «Рэнд Макнелли» – американская компания, выпускающая картографические справочники и атласы. – *Прим. перев.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.